

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

УДК 39(476)
ББК 63.5(2Б)

Артемчик В. В

Рассматриваются особенности взаимодействия носителей польской, русской и белорусской культур на территории белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. Прослеживается формирование белорусской идентичности в контексте столкновения великопольской идеи и идеологии панрусизма в ходе политики деполонизации, которую проводила российская администрация.

Ключевые слова: деполонизация, панрусизм, западнорусизм, панславизм, белорусская идентичность.

В XIX в. российская администрация решала достаточно сложную задачу политической и культурной интеграции земель, отторгнутых от Речи Посполитой, составлявших основу Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных земель, а до этого являвшихся частью раннефеодального восточнославянского государства – Русь. Российская администрация утверждала, что данным актом в состав русского государства были возвращены, отторгнуты и попавшие под власть Польши и католичества исконно русские земли. Данная идея была характерна и для местных православных деятелей культуры от Симеона Полоцкого и Георгия Конисского до Михаила Кояловича и Ефима Карского. Однако существенная часть местных помещиков, получивших права российского дворянства и формировавшейся разночинной интеллигенции, не только тосковали о потерянных «вольностях» периода Речи Посполитой, но и неоднократно предпринимали попытки восстановления её государственности. По этой причине «польский вопрос» являлся одной из главных проблем национальной политики российской администрации в Северо-Западном крае.

Александр Миловидов, который ссылается на материалы следственной комиссии, расследовавшей события восстания за возрождение Речи Посполитой на территории Польши, Литвы и Белоруссии (1863–1864 гг.), констатировал значительное распространение полонофильских идей среди ученической молодёжи края, которые проявлялись в противоправных действиях гимназистов: пение польских патриотических песен в костёлах после мессы, изгнание представителей полиции с территории гимназий, камнеметание в полицейских¹. В ковенской

гимназии учащиеся выгнали с урока учителя русского языка и словесности, а после того как 24 зачинщика беспорядков были исключены из гимназии, около сотни гимназистов в знак протеста покинули занятия. Данные события не являлись единичными фактами, только в 1863 г. из тринадцати гимназий и трёх прогимназий за грубые нарушения общественного порядка было исключено 455 учащихся². Учащаяся молодёжь открыто демонстрировала доминирующие в среде местных помещиков и состоятельных горожан полонофильские настроения. Чтобы сохранить порядок и пресечь насильственные действия в учебных заведениях в отношении учителей русского языка и лояльных к власти учащихся в феврале 1863 г. в гимназии и прогимназии были командированы на дежурство офицеры регулярной армии. Как показало восстание 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии часть местной разночинной интеллигенции стремилась консолидировать представителей различных этносов края вокруг идеи восстановления государственности Речи Посполитой. Один из руководителей восстания в Литве и Белоруссии – Константин Калиновский, выступавший за крестьянскую революцию и буржуазно-демократические преобразования, инициировал издание первой нелегальной газеты на белорусском языке («Мужыцкая праўда»), которая должна была привлечь крестьянские массы на сторону восставших. Этнополитические предпочтения К. Калиновского отразились в его политическом завещании («Письма из под виселицы»): «...Как день с ночью не ходят вместе, так не идут вместе наука правдивая с неволей московской. ... Народ, как только услышишь, что твои братья из-под Варшавы бьются за правду и свободу, тогда и ты не оставай-

¹ Миловидов А. Участие молодёжи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. – Вильно, 1904. – С. 6–8.

² Там же. – С. 10.

ся сзади...»³. Парадокс состоит в том, что сами крестьяне не оказали какой-либо существенной поддержки восстанию.

Подавление восстания существенно не повлияло на экономические возможности местных помещиков. В 1864 г. в Гродненской, Виленской, Минской и Витебской губерниях 87,6% всех землевладельцев – поляки, 87,2% частновладельческих имений и 80,4% частновладельческой земли. Стремясь подорвать экономическую силу польского национально-освободительного движения на территории Белоруссии, правительство смогло снизить к 1869 г. удельный вес «польских помещиков» в указанных губерниях до 79,6% (68,5% всей частновладельческой земли)⁴. При этом в 1877 г. 7,8% землевладельцев владели 84,3% всей частновладельческой земли Северо-западного края, подавляющая часть землевладельцев – представители местных ополяченных родов⁵. Политика деполонизации затронула сферы администрирования и образования. После подавления восстания начался перевод чиновников-католиков из государственных учреждений и учебных заведений края во внутренние губернии России. Переводу подлежали также православные чиновники, женатые на полячках⁶. В рамках противостояния польского и русского векторов развития выявляется «белорусский вопрос», который пытаются решить в свою пользу каждая из конкурирующих сторон. Стоит отметить, что политика в отношении к белорусскому этносу носила противоречивый характер. С одной стороны, белорусы не признавались самостоятельным этносом, а отождествлялись с государствообразующим русским народом. С другой стороны, в рамках политики деполонизации велись исследования наречия и этнографических особенностей белорусов. Первоначально российская администрация не была против использования «местных диалектов» в системе начального образования в противовес польскому влиянию. В 1862 г. у руководства виленской губернии возникла идея издания для белорусских крестьян посредством приспособления «чисто русской речи к местно-

му говору» с введением в нее «некоторых местных слов и оборотов», при этом белорусские песни и легенды можно было «писать так, как они поются и говорят»⁷. Хотя разрешение на издание журнала было получено в январе 1863 г., но он не вышел из-за восстания за независимость Речи Посполитой. После восстания основной упор делается на распространении русского языка. В мае 1866 г. учителям закона божьего в Западном крае было увеличено жалование в полтора раза. Выпускникам гимназий в Западных губерниях за хорошее знание русского языка предоставлялся чин 14 класса при поступлении их на гражданскую службу⁸. Продолжилась активная борьба как с «тайными школами», так и с любыми попытками преподавания польского языка крестьянам. В 1864 за оборот польских учебников и книг на землевладельцев накладывался штраф от 100 до 600 рублей. Католические священники, преподававшие польский язык, штрафовались на 200 рублей; светских учителей могли подвергнуть аресту или штрафу в 100 рублей. Все чиновники, не доложившие о нелегальных школах и учебниках, штрафовались и снимались со своих должностей⁹. В 1892 г. был принят закон, который предполагал наложение штрафа в 300 рублей или арест до трёх месяцев лиц, причастных к «тайному обучению» в девяти Западных губерниях¹⁰. Помимо распространения русского языка и ограничения сферы использования польского в гимназиях распространяются книги, пропагандирующие идеи панславизма и панрусизма. Утверждалось, что славянам во главе с Россией выпало исполнить историческую миссию Европы – «...раздвинуть пределы Европы до естественных границ и насадить христианское просвещение и образованность в ныне диких и пустынных местах равнинной Азии»¹¹. Естественно, консолидация славян не возможна без «...пожертвований теми особенностями, которые выражало каждое славянское племя в эпоху разъединений, и, составляя

3 Каліноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / Уклад. Г. Кісялёва. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1999. – С. 46.

4 Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). – Минск : Наука и техника, 1976. – С. 15.

5 Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / под общ. ред. В. П. Панютыч. – Минск : Наука и техника, 1980. – С. 14.

6 Там же. – С. 36.

7 Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). – Минск : Наука и техника, 1976. – С. 28.

8 Шевкуленко Д. А. Межнациональные отношения в России (вторая половина XVI – начало XX вв.). – Самара : Самарский университет, 1999. – С. 102.

9 Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). – Lublin : 1998. – С. 214.

10 Шевкуленко Д. А. Указ. соч. – С. 103.

11 Барсов Н. Славянский вопрос и его отношение к России. – Вильно, 1867. – С. 4.

племенную гордость..., служат для общих врагов славянства орудием разделения славянских братьев и... орудием преобладания и господства над славянами»¹². При этом отмечалось, что Польша «... является преступницей перед всем славянским миром»¹³, т.к. стремится ослабить единство славян. «Русское правительство – подарок истории. Падение Польши – её судьба. ...Остатки былой Польши стоят стеной между восточным и западным славянством. Последнее уничтожение их и восстановление народных чувств общеславянских в польском племени... будет началом окончательного соединения всех славян в одно целое»¹⁴. Гимназисты – дети привилегированных слоёв в крае – должны были но-новому взглянуть на мир и политические процессы, отвергнуть идеи революционного и национально-освободительных движений, как главное препятствие исполнению исторической миссии славянства и России. Также на рубеже веков в Северо-Западном крае в учебниках по географии Российской империи для гимназий указывалось, что большую часть населения Европейской России составляет народ русский, который по особенностям в наречии разделяется на великорусов, малорусов и белорусов¹⁵. Естественно, официальная идеология не признавала национально-политической самостоятельности белорусов, но и не отрицала безоговорочно их культурно-исторического своеобразия в духе панрусизма. Дуализм данного подхода проявился также в первой имперской переписи населения (1897 г.). Несмотря на то, что в конце XIX в. представители белорусского национально-освободительного движения сетовали на то, что среди белорусов значительное распространение имела территориальная самоидентификация, выражавшаяся термином «тутэйшыя» («местные»), как следствие национально-культурного бесправия белорусского народа, по итогам переписи – русские составили 71,7% населения империи, при этом по языковому признаку они подразделялись на великорусов – 47,7%, малороссов – 19% и белорусов – 5%. Именно в Северо-Западном русские носители белорусского наречия составили по итогам переписи большинство населения. Таким образом, политика деполонизации, идеология панрусизма, в рамках которой можно выделить представителей

либерального крыла западнорусизма, в условиях развития капиталистического общества (для которого и характерно доминирование национального самосознания) стали основой, на которой формировалась концепция белорусской идентичности. В начале XX в. часть российских сановников рассматривали укрепление белорусского сознания как неотъемлемую часть политики деполонизации и укрепления русского господства в крае. Виленский генерал-губернатор К. Кршивицкий в 1906 г. в письме министру внутренних дел утверждал необходимость пробуждения сознания белорусов для восприятия русской культуры. Для этого кроме введения дополнительного богослужения на белорусском языке предлагалось открыть низшие школы с белорусским языком преподавания; увеличить количество священников из белорусского населения; помогать белорусскому крестьянству в приобретении земли, развитии экономических и потребительских обществ и издании дешёвых книг на белорусском наречии. При введении земского самоуправления в Литве и Белоруссии предлагалось гарантировать преобладание крестьянскому элементу над городским и частновладельческим польским¹⁶. В записке Канцелярии МВД об ограничениях на покупку земли в Северо-Западном крае (1905 г.) указывалось, что содействие развитию самосознания непольских народностей Западного края соответствует интересам правительства и, не угрожая государственному единству «нанесёт последний удар» по полонизму. На полях Николай II написал: «В той же мере и по тем же основаниям желательно в настоящее время развитие национального самосознания и в других, населяющих Западных край, народностях – белорусской и малорусской»¹⁷. Для местных губернаторов было очевидно, что темпы экономического развития стимулируют потребность в образовании в большей степени, чем возможность его получить как в казённых, так и церковных школах. В письмах Минского и Витебского губернаторов в МВД (1904г.) высказывается идея об отмене преследования за «тайное обучение» на русском языке, т.к. оно экономически необходимо крестьянским детям и городским небогатым слоям и не представляет угрозы российской государственности¹⁸. При этом представители власти опасались распространения революционной пропаганды посредством «тайного обу-

12 Там же. – С. 16.

13 Там же. – С. 19.

14 Там же. – С. 25.

15 Баранов А., Горелов Н. География Российской империи: курс средних учебных заведений. – СПб., 1899. – С. 38.

16 Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX–XX вв.). – СПб.: ЛИСС, 1998. – С. 240–241.

17 Там же. – С. 280.

18 Там же. – С. 299–300.

чения» и «странствующих учителей».

Ещё одной гранью славянского вопроса стала языковая политика в религиозной сфере. Православие, католичество, ислам, иудаизм распространяли своё влияние на сознание, уклад жизни и политическое поведение верующих, что было чрезвычайно актуально в свете формирования этнополитических ориентаций местного населения. Главной задачей стала замена польского языка богослужения на русский. В 1869 г. было принято решение о введении русского языка в качестве языка богослужения в костёлах Северо-Западного края в тех приходах, где население считает своим родным языком русский в различных его диалектах¹⁹. Это распоряжение вызвало недовольство как у польского, так и пророссийского населения, воспринимавших католичество в западных губерниях как символ польского духа. В целом деятельность по интеграции католичества в культурную систему России потерпела неудачу, в основном из-за позиции подавляющей части католического клира и самого Папы Римского, которые воспринимали русский язык и казённые школы грамоты как угрозу «святой вере». Не получилось заменить польский язык в богослужении евангелистско-реформаторской церкви и в учебных заведениях данной конфессии. В 80-х гг. XIX в. было принято решение о запрете польского языка богослужения в мечетях Западного края²⁰, были предприняты попытки введения Корана на русском и арабском языках, но местное мусульманское население долгое время использовало рукописные или печатные пояснения на польском языке.

Восстание за возрождение Речи Посполитой активизировало деятельность местной православной интеллигенции. М. Коялович, Е. Карский, формируя идеологию западнорусизма, обосновывали восточнославянскую сущность белорусского народа, не отрицая самобытности белорусского наречия и истории, указывали на недопустимость политического разделения «русского племени». Е. Карский своими исследованиями на средства виленского генерал-губернатора заложил основы белорусоведения. Легальные этнографические и археографические исследования в рамках политики располычения и восстановления в крае «русских начал», воспринимавшихся в контексте идеологии пан-

русизма, распространялись в системе образования, публицистике и периодической печати. Стоит отметить, что легальная публицистика рубежа веков отразила всю противоречивость этого процесса: от полного отрицания самобытности белорусов, до признания этого факта. Проправительственные «Могилевские губернские ведомости» писали, что население белорусских губерний «искони было русское и таковым считает себя и поныне». Газета полемизировала с польским национальным движением, которое пыталось представить белорусов поляками²¹. Также отмечалось, что местное население не всегда считает себя русским, что объяснялось результатом «происков» поляков и ксендзов. Либеральный «Минский листок» выступал за сплочение всех национальностей, живущих в крае, на благо общей родины, против этнической дискриминации в России в целом. Национализм, национальная нетерпимость причислялась редакцией к чувствам, противоречащим православной вере не свойственных русскому человеку²², при этом в этнографических материалах, печатавшихся в газете, указывалось, что белорусский язык является не великорусским говором, а самостоятельным наречием, а белорусы имеют исторически сформировавшиеся отличительные черты в культуре и традициях, являясь при этом русским народом. В 1906 г. в Российской империи начинает издаваться первая легальная газета на белорусском наречии, которая стала рупором белорусского национального движения. В формирующейся белорусской революционно-демократической среде периода «Нашей Нивы» господствовала идея социального освобождения через пробуждение национального самосознания, что противостояло националистическим идеям, главной целью которых являлось исключительно завоевание национальной независимости при сохранении социального и культурного неравенства. Большинство представителей белорусского революционно-демократического движения боролись не во имя исторических традиций прошлого, как это пытались делать националисты Польши, а за социальные и культурные преобразования, необходимые для полноценной жизни трудящихся, лежавшие в русле демократизации всей России. Это, с одной стороны, предполагало распространение в среде местного славянского

19 Грыгор'ева В. В., Філатава А. М. Нехрысціянскія канфесіі на Беларусі (1772–1917) // Канфесіі на Беларусі Навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – С. 89.

20 Там же. – С. 151.

21 Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). – Минск : Наука и техника, 1976. – С. 67.

22 Там же. – С. 136–138.

населения, неудовлетворённого своим социально-экономическим положением национальных идей, с другой – заставляло конкурировать с общероссийскими партиями, имевшими значительно большие возможности для артикуляции требований и распространения своих программ преобразования России. Стоит отметить, что вплоть до 1917 г. белорусские национальные организации и партии не являлись безусловными лидерами в выражении политических интересов населения региона, собственно, как и не было доминирующей идеи, предполагавшей государственное развитие Белоруссии вне России.

Определённую роль в осознании белорусской самобытности сыграла межсословная, межклассовая и межнациональная коммуникация в условиях формирования гражданского общества. Это выразилось в появлении клубов и обществ, объединявших людей по сословно-профессиональной, национально-культурной и общегосударственной принадлежности. Они финансировались своими членами и устраивали лекции, любительские спектакли, благотворительные вечера. Именно в рамках данной тенденции возникли, действовали и развивались «белорусские вечера», из которых выросла труппа белорусского театра Игната Буйницкого.

Очевидно, что во второй половине XIX – начале XX на территории Белоруссии в ходе борьбы идей панславизма, панрусизма, революционно-демократического и национально-освободительного движений в условиях деполонизации были созданы условия для осознания белорусской идентичности и самобытности, которые стали одним из определяющих факторов развития на этой территории после революционных событий 1917 г.

Список литературы

1. Баранов, А. География Российской империи: курс средних учебных заведений / А. Баранов, Н. Горелов – СПб., 1899.
2. Барсов, Н. Славянский вопрос и его отношение к России / Н. Барсов. – Вильно, 1867.
3. Грыгор'ева, В. В. Нехрысціянскія канфесіі на Беларусі (1772–1917) / В. В. Грыгор'ева, А. М. Філатава // Канфесіі на Беларусі Навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мн., 1998. – 340 с.
4. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.) / Дякин В. С. – СПб., 1998. – 1004 с.
5. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / Уклад. Г. Кісялёва. – Мн., 1999. – 464 с.
6. Миловидов, А. Участие молодёжи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. / А. И. Миловидов. – Вильно, 1904.
7. Никулин, А. И. Национальная политика России (история и современность) / под общ. ред. Рябова В. В. – М., 1993. – 61 с.
8. Rodkiewicz, W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863 – 1905) / W. Rodkiewicz. – Lublin, 1998. – 283 p.
9. Самбук, С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати) / С. М. Самбук. – Мн., 1976. – 184с.
10. Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / под общ. ред. В. П. Панютич – Мн., 1980. – 224 с.
11. Шевкуленко, Д. А. Межнациональные отношения в России (вторая половина XVI – начало XX вв.) – Самара, 1999. – 191 с.

THE ROLE OF SLAVIC QUESTION IN ETHNIC AND CULTURAL PROCESSES IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

V.V. Artemchik

The article explores the peculiarity of interaction between the representatives of Polish, Russian and Belorussian culture in Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries. We try to trace the formation of Belorussian identity within the framework of the conflict of two compeering ideas: the idea of Great Poland and Pan-Russism which was administered by Russian authorities and implied depolonization.

Keywords: depolonization, Pan-Russism, Belorussian identity, Panславизм, Western Russian identity.

